

Если бы положение при дворе не было столь шатким, он бы с радостью поделился с Чао Цы властью над миром пополам. К счастью, Чао Цы прекрасно знал цену своим способностям: в чем он действительно был хорош, так это в умении лежать и наслаждаться жизнью, а управление государством не имело к нему ровным счетом никакого отношения. Поэтому именно он больше всех противился тому, чтобы Цзинь Яо наделил его реальной властью — номинального статуса было вполне достаточно.

— Ты, главное, не натвори дел, из-за которых меня потом потянешь на дно, — вот тогда я буду молиться всем богам, — со смехом отчитал его Чао Цзюэ.

Он вывел Чао Цы из поместья и помог ему взобраться на коня. Мальчишка, который еще недавно едва доставал ему до колена, теперь сидел на высоком коне, выглядя человеком, способным взять на себя ответственность.

Чао Цзюэ подавил в себе странное чувство — то ли горечь, то ли досаду.

Он был старше Чао Цы на девять лет, а тот рано лишился матери, так что можно сказать, что он его и вырастил.

С малых лет этот сорванец не давал ему покоя: вечно вытворял что-то несуразное, от чего у Чао Цзюэ печень закипала от ярости. Но стоило этому наглецу сделать виноватое лицо и начать лстить, как весь гнев мгновенно улетучивался. Приходилось лишь, стиснув зубы, признавать поражение и разгребать его ошибки.

Глазом моргнуть не успел, как мальчишка вырос.

С этого дня он начинает свою собственную жизнь.

И хотя на душе было тяжело отпускать его, все же... так было правильно.

Чао Цы ехал верхом в окружении внушительной процессии, направляясь к дворцовым воротам.

На улицах царил невероятное оживление. Поскольку императрицу еще официально не провозгласили, по законам Империи Е простолюдинам не нужно было преклонять колени. Они выстроились вдоль дороги, чтобы полюбоваться на столь редкое для Империи Е торжество.

Империя Е была основана совсем недавно, поэтому свадьба императора действительно была событием из ряда вон выходящим.

И в самый разгар праздника небо внезапно потемнело.

У Чао Цы екнуло сердце.

Небо потемнело слишком внезапно и неестественно, все вокруг задрали головы вверх.

Еще мгновение назад стоял чудесный солнечный день, а сейчас небо затянуло клубящимися черными тучами. Но еще страшнее была трещина, испускавшая багровое сияние, которая прорезала небосвод насквозь.

Разлом становился все шире, словно оттуда что-то опускалось. Прошла секунда, и зрачки Чао Цы сузились.

Это был вовсе не разлом, а призрачный силуэт гигантского меча!

Как только Чао Цы осознал это, чьи-то сильные руки подхватили его за талию.

Все смотрели в небо, и хотя стража не должна была отвлекаться, увидев этот силуэт, пронзивший небеса, они не смогли удержаться от того, чтобы не взглянуть вверх.

Когда они обернулись, то обнаружили, что императрица, только что сидевшая на лошади, исчезла.

Началась паника.

А Чао Цы в это время уже перенесли на высоту в тысячу чжанов. Внизу люди казались крошечными муравьями, императорский город выглядел как шахматная доска, а над всем этим завис огромный призрачный меч.

Его талия была намертво зажата в тисках чужих рук.

— Что ты творишь? — Чао Цы посмотрел на стоявшего рядом человека, его лицо было холодным, как лед.

— Иди со мной, иначе я уничтожу это место, — слова Цзинь Яо прозвучали пугающе спокойно.

— Ты сошел с ума?! — воскликнул Чао Цы. — Там сотни тысяч жизней! Цзинь Яо, неужели ты потерял рассудок и не боишься кары Небесного Пути?!

— Что мне сделает Небесный Путь? — он усмехнулся, и в его глазах промелькнуло жестокое высокомерие. — Что до тебя... в тот день ты угрожал мне собственной жизнью... Чао Цы, если ты умрешь, я убью Цяо Пэя, вырежу всю Империю Е и спущусь в Царство мертвых, чтобы вырвать твою душу. К тому времени ты уже ничего не будешь помнить, я заберу тебя в Мир

Богов, создам для тебя новое тело, и мы станем парой бессмертных.

Чао Цы пробрал холод, ледяная дрожь прошла до самых костей:

— Ты безумен...

— Если я умру и попаду в Царство мертвых, даже если ты вернешь мою душу и создашь новое тело... буду ли это я? — Чао Цы решил использовать свой последний козырь.

— Конечно, это будешь ты, просто без памяти... Но это неважно, отныне каждое твоё воспоминание я буду создавать сам.

Ему, похоже, все больше нравилась эта идея.

— Но мне жаль видеть, как ты страдаешь. Если ты сейчас же отправишься со мной в Мир Богов, я остановлюсь, — произнес он почти безразлично.

— Нет...

Не успел Чао Цы договорить, как призрачный меч, не колеблясь, устремился вниз. Вслед за ним закружились черные тучи, создавая картину конца света.

Люди внизу, увидев, как меч летит прямо на них, осознали, что происходит, и впали в отчаяние.

Чао Цы, казалось, слышал их крики ужаса.

— Не надо!

Он зажмурился и закричал, слезы покатались из глаз.

— Я согласен, — прошептал он, захлебываясь рыданиями. — Умоляю тебя...

Он увидел, как глаза Цзинь Яо превратились в звериные вертикальные зрачки, и сам он обернулся сточжановым черным драконом. Чао Цы в одно мгновение оказался внутри маленькой золотой клетки, которую дракон бережно держал в пасти.

Словно это было единственное неприкосновенное сокровище в жизни этого всемогущего черного дракона.

Весть о том, что Ваше Превосходительство Цзинь Яо вернулся из Мира Смертных в своем истинном облике и привез с собой человека, мгновенно разлетелась по всему Миру Богов.

Те, кому посчастливилось увидеть это, рассказывали, что человек был заперт в золотой клетке и был невероятным красавцем в свадебном наряде.

Ваше Превосходительство Цзинь Яо тысячи лет хранил обет безбрачия, неужели он наконец решил нарушить его?

Бессмертных в Море Богов было немало, но жизнь их была бесконечно долгой, и все они знали друг друга наперечет. Редкие сплетни вызывали у них небывалый ажиотаж.

Однако Цзинь Яо был тем, с кем никто не хотел связываться, поэтому все судачили лишь тайком.

Говорили, что Цзинь Яо напрямик направился в свою Пещеру бессмертного. Прошел день, но из покоев Вашего Превосходительства не доносилось ни звука.

Это было в порядке вещей: драконы — существа не из обычных, и если уж они предавались плотским утехам, то могли не останавливаться десятилетиями. Вопрос был лишь в том... выдержит ли этот смертный?

Эти лицемерные бессмертные, лишённые сострадания, вовсе не переживали за человека. Их пугало другое: если Цзинь Яо, тысячи лет живший в одиночестве, наконец нашел того, ради кого решился нарушить правила, значит, он дорожит им.

Если с тем что-то случится, разъяренный Цзинь Яо может обрушить гнев на всех них.

А то, что он похитил смертного из Мира Смертных... формально это нарушение, но кто осмелится его судить? Все знали, что попытка призвать его к ответу закончится лишь тем, что они сами сложат головы. В конце концов, правила установил Небесный Путь, пусть он сам и разбирается с Цзинь Яо, если чем-то недоволен.

В общем, бессмертные с удовольствием обсуждали эту новость, гадая, когда же придут новые известия из Пещеры бессмертного.

Дворец Куньлунь, который называли Пещерой бессмертного, на самом деле представлял собой целый комплекс дворцов, занимавших весь горный хребет Куньлунь. Окутанный туманами, он

сиял золотом, и его нередко называли дворцом, что находится над небесами.

Драконы любят роскошь, но Цзинь Яо был исключением и не придавал значения внешним атрибутам. Однако боги, боясь его и почитая, после окончания древней войны воздвигли этот дворец, и он не стал отказываться.

Теперь же дворец пришелся как нельзя кстати: места было более чем достаточно, чтобы укрыть в нем его маленькое сокровище.

В одном из уголков дворца, в огромном внутреннем зале, повсюду клубился пар. Здесь находился источник духовной энергии Куньлуня, и при строительстве дворца всё пространство под ним было вырыто, чтобы создать целебный источник.

О нем знали все, но никто не смел посягнуть на него: бессмертные предпочли бы грабить самого Небесного Императора, чем связываться с Цзинь Яо.

Вода в источнике была горячей, поэтому зал был затянут густым белым паром.

У края источника, прислонившись к бортику, сидел красавец с кожей, белой как нефрит.

На нем была лишь тонкая красная вуаль, а тело ниже плеч было погружено в молочно-белую воду. Он закрыл глаза, длинные густые ресницы подрагивали, губы были неестественно яркими. Его угольно-черные волосы, как вороново крыло, намокли, а вуаль прилипла к телу, подчеркивая изящную, стройную фигуру. Выглядел он несколько жалко, но в этом было невыразимое искушение.

Рядом с ним сидел высокий мужчина в безупречных снежно-белых одеждах. Он смотрел на красавца в красном спокойным взглядом, изредка небрежно убирая за ухо прядь его растрепанных волос.

Красавец, казалось, терпел невыносимую муку: его брови были плотно сдвинуты, он не мог сдерживать тихих стонов. Прошло немало времени, прежде чем он, словно достигнув предела, с трудом поднял руку и вцепился в запястье мужчины.

— Так больно... я больше не могу... умоляю, у-у! Прошу тебя... — его голос был тихим и слабым, с нескрываемыми нотками плача, словно он действительно оказался в безвыходном положении.

Мужчина не дрогнул, лишь перехватил его руку, сплетая свои пальцы с его.

— Остался еще день, потерпи, — сказал он ровным тоном, который для Чао Цы звучал как издевательство.

Когда Цзинь Яо привез его в Мир Богов, Чао Цы думал, что тот просто хочет запереть его и принудить к близости. Кто бы мог подумать, что первым делом он притащит его в это проклятое место и заставит проглотить маленький белый шарик, похожий на нефритовую пилюлю.

Чао Цы попросил систему просканировать его. Система сообщила, что это внутренняя пилюля самки дракона.

Согласно канонам этого мира, самки драконов были невероятной редкостью и почти вымерли. У них не было боевой мощи самцов, зато был крайне долгий период течки. Поскольку самок было мало, самцы-драконы вынуждены были искать партнеров повсюду.

Если рождалась самка, самцы дрались за нее насмерть. И если дракон находил себе пару среди самок, он был предан ей всю жизнь. Но судьба самок была незавидной: почти всю жизнь они проводили в состоянии течки.

Система закончила объяснение, а у Чао Цы по спине побежали мурашки.

Что это за жанр такой? Неужели нельзя было обойтись без этого!

Система добавила, что после принятия пилюли самки дракона и внешней трансформации смертный приобретает некоторые черты самки дракона, такие как долголетие и... долгий период течки.

Чао Цы: «...»

Помимо возмущения, у него возник вопрос: откуда у Цзинь Яо взялась эта пилюля?

Система: Скорее всего, добыл во время древней войны. Тогда мир был полон демонической ци, и убить самку дракона, впадшую в безумие, было обычным делом.

Чао Цы не стал больше размышлять, у него просто не было сил. Как только пилюля оказалась внутри, его внутренности и кости словно начали грызть тысячи муравьев.

Это не была острая боль, скорее, постоянное, изматывающее ощущение, от которого хотелось лезть на стену.

Чао Цы не был мазохистом, поэтому через несколько секунд попросил систему включить блокировку боли.

После этого стало намного легче, но приходилось продолжать притворяться. Большинство «путешественников» не решались полностью отключать боль, чтобы не проколоться, но у Чао

Цы такой проблемы не было: он просто узнавал у системы примерные значения и играл на их основе.

Трансформация должна была длиться девять дней и девять ночей, и все это время Цзинь Яо не отходил от него ни на шаг.

Первые дни Чао Цы изображал жгучую ненависть, не желая проронить ни слова, но на четвертый день, решив, что пора, он начал «ломаться» и молить о пощаде.

Цзинь Яо, несмотря на присутствие рядом, оставался непреклонен. Свадьба вывела его из себя, он почти потерял рассудок.

На пятый день, помимо боли, Чао Цы почувствовал зуд.

Это было еще невыносимее, чем боль. Хотя система и здесь помогла, он все равно изображал отчаяние, прячась в объятиях Цзинь Яо и тихо всхлипывая.

Цзинь Яо лишь гладил его по спине, в его золотых глазах нельзя было прочесть ни единой эмоции.

В последние дни облик Чао Цы начал меняться. Кожа стала еще нежнее, изъянов на ней не осталось вовсе, а сам он немного подрос и стал еще стройнее.

Раньше он был красив, но теперь его внешность стала воистину ослепительной — вряд ли во всем Море Богов нашелся бы кто-то прекраснее.

Девять дней наконец подошли к концу.

До этого момента боль была настолько сильной, что он вжимался в объятия Цзинь Яо, теряя остатки разума и умоляя о помощи того, кого ненавидел больше всего на свете.

А тот, кого он обнимал, лишь поглаживал его по спине, не спеша облегчить страдания.

Боль постепенно отступила. Чао Цы попытался подняться, но руки и ноги были как ватные, и он едва не упал.

Цзинь Яо, прищурившись, подхватил его и прижал к себе:

— Трансформация только закончилась, нужно время, чтобы привыкнуть.

На самом деле, причина была не только в этом.

Такова была природа самок драконов: они были полной противоположностью самцов, стоящих на вершине силы шести миров. Обладая ценной кровью и долголетием, они были лишены всякой силы, даже слабее смертных. Тонкие конечности не позволяли им долго стоять, они могли лишь, как того и хотели самцы, проводить время в постели.

Цзинь Яо поднял его на руки и вынес из зала, где они провели девять дней, направляясь в свою опочивальню.

Он бережно уложил Чао Цы на кровать.

К тому времени сознание Чао Цы уже прояснилось. Он поднял взгляд на Цзинь Яо и холодно спросил:

— Чего ты в конце концов добиваешься?

Цзинь Яо не разозлился, лишь тяжело посмотрел на него.

Его глаза в обычное время отличались лишь золотым цветом, но стоило ему прийти в ярость или обернуться драконом, как они превращались в звериные вертикальные зрачки.

Сейчас он смотрел на Чао Цы не отрываясь, и в этом ярком золоте читалась бездонная глубина, подобная круговороту перерождений.

Чао Цы замер, а в следующее мгновение мужчина склонился к нему, обхватив одной рукой за талию, а другой за затылок.

Он коснулся его губ — и только когда Чао Цы ощутил этот холод, он запоздало осознал, что происходит.

Сначала это было лишь легкое касание, затем мужчина начал покусывать и всасывать его губы, а потом, войдя во вкус, бесцеремонно проник внутрь.

Сначала он действовал не спеша, как хищник, смакующий добычу, но вскоре, прищурившись, отбросил притворство и стал действовать куда решительнее.

У Чао Цы онемел язык, отчаянно не хватало воздуха, и, наконец, он попытался оттолкнуть мужчину руками.

Но его силы были ничтожны. Напротив, рука мужчины на его талии сжалась еще сильнее,

казалось, кости вот-вот треснут. А когда он попытался отпрянуть, сильная рука на затылке не дала ему сбежать.

[Подожди, брат, ты же говорил, что Цзинь Яо — девственник с рождения?] — Чао Цы на мгновение вышел из образа.

[Да, а что?] — система отозвалась мгновенно.

[Откуда у девственника такие навыки поцелуев?!]

[Может, это врожденный навык драконов?] — хладнокровно проанализировала система.

[...Ладно.]

Получив такой ответ, Чао Цы пришлось вернуться в игру.

Из-за нехватки кислорода сознание снова начало мутнеть, но в этом тумане он почувствовал, как вместе с поцелуем в него проникает какая-то энергия, разливаясь по всему телу.

У него возникло дурное предчувствие, он широко открыл глаза и снова начал вырываться.

Но было слишком поздно — или, скорее, даже если бы он успел, его сил было недостаточно — невыносимый жар вспыхнул внутри и стремительно распространился по всему телу.

Через мгновение его сознание сгорело дотла. Теперь он чувствовал, что весь мир объят пламенем, и лишь человек перед ним был холодным источником спасения.

Чао Цы не знал, сколько времени провел в этой опочивальне.

Ему казалось, что он, вероятно, здесь и умрет.

<http://bllate.org/book/22189/2312430>